****

ЗАПОРОЖСКІЯ ПѢСНИ.

═

I.

Надгробная пѣснь Свирговскому.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоритъ о Гетманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Бантышъ-Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблина, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ онъ — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предмѣстника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Таври-

ды и Султаномъ (И. М. Р. I. 131).—Іоаннъ Армянинъ Воевода Молдавскій, въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи противу Волоховъ, Турокъ и Татаръ, кои соединенными ордами нападали на Молдавію. Поляки, занятые въ то время распрями междоцарствія, отказали въ помощи. Тогда Іоаннъ обратился къ другу своему Гетману Свирговскому. (И. Г. П. II. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣстръ — говоритъ Конисскій — онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апрѣля 1575 г., полонилъ главнаго Пашу ихъ Кара-Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ прочими добычами въ Варшаву. Послѣ сей побѣды Гетманъ раздѣлилъ свои войска на двое, и одну часть подъ начальствомъ Полковника Саввы Ганжи отправилъ къ Бухаресту, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. Между тѣмъ послалъ нарочнаго въ Сѣчь къ Кошевому Ѳедору Покотилѣ, что-бы онъ выслалъ пѣхоту на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ недопускать высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣстръ. Кошевой выправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Запорожцы перехватили въ устьяхъ обѣихъ рѣкъ и на морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай, разорили и выжгли крѣпостцы и жилища. Гетманъ и Ганжи, проходя Молдавію и Валахію, счастливо разбивали непріятелей. Очиститъ сію землю отъ нашествія Турокъ, поворотили они отъ Дуная къ Бессарабіи; но подъ городомъ Киліей (1) былъ Свир-

говскій предательскимъ образомъ извѣщенъ отъ Армянина, что въ городѣ хранятся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удалятся, что-бы отправить ихъ въ Турцію (2). Гетманъ рѣшился осадить и взять Килію. Едва онъ началъ скоропостижную атаку, какъ взорванныя отъ Турковъ съ трехъ сторонъ мины, подняли Гетмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрытыхъ мѣстахъ Турки, напали на нихъ, перерѣзали многихъ Козаковъ. Остальные разбѣжались, и долго скитаясь по Молдавіи, нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ воротились въ свои границы (3).

I.

Якъ того Пана Йвана,
Що Свирговського Гетьмана,

II.

Та якъ бусурманы пiймали,
То голову ёму рубали.

III.

Ой, голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вiшали;

IV.

Та у сурьмы выйгравали,

Зъ ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара спягала,

Що воронйвъ ключа набйгала,

VI.

По Украинй шуманы клала:

А Украина сумовала.

VII.

Ой, Украина сумовала,

Свого Гетьмана оплакала.

VIII.

Тодй буйны вйтры завывали.

— Де-жъ вы нашого Гетьмана сподйвали?

IX.

Тодй кречеты налйтали.

— Де-жъ вы нашого Гетьмана жалковали?

X.

Тодй орлы загомонили.

— Де-жъ вы нашого Гетьмана зхоронили?

XI.

Тодî жаворонки повилися.

— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ про-
спилися?

XII.

— У глйбокій у могилй,
Бйля города, бйля Килiи,
На Турецькій линiи.

Переводъ.

Когда Пана Ивана, Гетмана Свирговскаго,

Плѣнили невѣрные, тогда отрубили ему голову.

И, снявши съ него голову, вѣшали ее на бунчукъ (4);

И играли въ трубы и насмѣхались надъ нимъ.

Тогда съ юга потянулась туча, будто налетала стая вороновъ;

И разсыпала она по Украинѣ туманы, и горевала Украина:

Горевала Украина, оплакивая своего Гетмана.

Тогда завывали буйные вѣтры: — гдѣ-же вы оставили нашего Гетмана? —

Тогда налетали соколы: — гдѣ-же вы тужили по нашемъ Гетманѣ? —

Тогда зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоронили нашего Гетмана? —

Тогда взвилися жаворонки: — гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Киліи, на Турецкой линіи (5).

Примѣчанія.

1) *Килія* — древній *Ликостромъ*. — Killa — Турецкій городъ, окруженъ каменною стѣною съ контръ-эскарпомъ. Замокъ Килійскій лежитъ выше города, при Дунаѣ, на милю отъ устья. На противоположномъ берегу находится старая Килія съ древними развалинами. Боплана Опис. Украины. С. П. Б. 1832. 33. На сѣверномъ устьѣ Дуная. Торговое мѣсто. Жители разныхъ племенъ. Кантемира, Опис. Молд. Гл. 4. —

2) Кого должно здѣсь разумѣть подъ Армяниномъ, простаго ли Армянина или Господаря?

3) Другія Лѣтописи описываютъ походъ и смерть Свирговскаго слишкомъ кратко. — Описаніе Энгеля противорѣчитъ Конисскому. Энгель пишетъ, что Свирговскій присоединилъ къ

Козакамъ 6.000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадою Браилова; однако хотя и побѣдилъ Турковъ близь сего города, но его самого не взялъ. Потомъ, соединившись съ другимъ трехтысячнымъ отрядомъ войска Молдаванскаго, въ другой разъ разбилъ Турковъ, и положилъ на мѣстѣ 7.000 враговъ. Послѣ третьей битвы, въ которую взято было въ плѣнъ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили путь къ Акерману, сожгли половину предмѣстія сего города и возвратились въ Молдавію. На послѣдней битвѣ взятъ въ плѣнъ и замученъ Іоаннъ Армянинъ. Козаки всѣ пали на мѣстѣ битвы, исключая очень немногихъ. Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ. Engel's, Gesch. d. Ukr. 72 — 74.

4) *Бунчукъ* — шестъ, украшенный сверху золотымъ шарикомъ, около коего прикрѣпляется небольшое знамя и конскій хвостъ, иногда два хвоста, иногда и болѣе. Сей знакъ искони употреблялся Турками, и отъ нихъ перешелъ къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ относится ко временамъ Абубекра, наслѣдника Мугаммедова. Проигравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ оставленъ былъ войсками, кои разбѣжались во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ средство соединить ихъ: взялъ длинный шестъ, и не имѣя въ рукахъ ничего такого, что-бы могло издали подать знакъ, отрубилъ у коня своего хвостъ; потомъ привязалъ его къ концу шеста, и началъ имъ махать во всѣ стороны. Войска, завидя знакъ созыва, сбѣжались къ предводителю, и соединенными силами, разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, т. е. конскій хвостъ здѣлался почет-

нымъ знаменемъ Мугаммеданскаго войска. Изв. о Тур. Имп. 139 — 140.

5) Что значитъ выраженіе въ сей пѣснѣ: *на Турецкой линіи?* — Вѣроятно тамъ пролегала граница Турецкихъ владѣній. —

II.

Сожженіе Могилева.

I.

Обстоятельство, о которомъ говорится въ сей пѣснѣ, принадлежитъ къ 1596 году, столь славному въ Лѣтописяхъ Украинскихъ. То была година возстанія Запорожцевъ противу Поляковъ, которыхъ полчища бродили по беззащитной Украинѣ, сожигая города и села, грабя жителей, — и все неистовства производя подъ предлогомъ соединенія Церквей Восточной и Западной, подъ предлогомъ Уніи. Битвы Пятковская (1) и Чигринская (2) достаточно показали Полякамъ, съ кѣмъ имѣли они дѣло: и Католики и Уніаты извѣдали тогда всю ярость мщенія Запорожцевъ, которые не только поражали ихъ на сраженіяхъ, не только подвергали ихъ лютѣйшимъ мученіямъ въ плѣну, но даже не жалѣли собственныхъ крововъ своихъ, равнодушно предавали ихъ огню и мечу, имѣя въ виду одну мысль, одно желаніе — очистить Украину отъ Уніи — какъ выразился одинъ Лѣтописецъ — какъ отъ заразы, которая готова была пожрать эту страну, незадолго предъ тѣмъ, столь счастливую своимъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ Гетманъ Наливайко — пишетъ Конисскій — принужденъ былъ два города свои: *Могилевъ надъ Днѣпромъ* и Слуцкъ надъ Случью, запершіеся съ сильными гарнизонами Польскими и многими Уніатскими чиновниками, сильныя вылазки дѣлающими, доставать штурмомъ; при чемъ

оба города сожжены и раззорены были до основанія, а Поляки выбиты до послѣдняго. —

I.

Ой у городѝ Могилевѝ
Дымомъ потягнуло,
Якъ то вӣйсько Запорожське
Зъ гарматъ та ревнуло.

II.

Ой у городѝ Могилевѝ
Та сталося пусто,
Якъ повѣяли Козаки
Зъ самопалѝвъ густо.

III.

Ой у городѝ Могилевѝ
Орлы та гадюки;
Ляшськимъ тѝломъ годуються,
Лящську тѝлу радуються.

IV.

Ой у городѝ Могилевѝ
Що пни та колоды:
Прилучилося, бачь, лихо
Ляшськїй породѝ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ тая позора,
Що ходить та по бйлу свйту
Зъ двора та до двора.

VI.

Не такъ тая позора
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину (3) шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Вйдъ Гетьмана Наливайка,
Шановного Пана.

Переводъ.

Дымомъ облекся городъ Могилевъ, когда въ войскѣ Запорожскомъ разразилися пушки.

Опустѣлъ городъ Могилевъ, когда Козаки густо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ остались одни орлы и змѣи. Они кормятся Польскими трупами; они радуются Польскимъ трупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ остались одни пни и колоды. Вѣрно, бѣда случилась съ племенемъ Польскимъ.

Не столько бѣда, сколько безславіе; оно блуждаетъ теперь по бѣлому свѣту отъ двора ко двору.

Не такъ велико безславіе, какъ велика радость Козаковъ: уважая Запорожцевъ, несчастіе дало знать себя Полякамъ.

Несчастіе дало знать себя Полякамъ съ ранняго утра чрезъ нашего славнаго Пана, Гетмана Наливайка.

Примѣчанія.

1) *Битва Пятковская* — подъ мѣстечкомъ Пяткою — битва хотя и несчастная для Козаковъ, ибо на оной пало 3.000 храбрыхъ, и вмѣстѣ съ ними Гетманъ Косинскій; но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важная, какъ первая, на которой Козаки показали Полякамъ свою храбрость и могущество. Lubiens. Op. Posth. Antverp. 1643. p. 3.

2) *Чигиринская битва* — 1596 — по инымъ 1597. — Въ то время Духовенство Уніатское

посылало повсюду окружныя посланія свои, въ которыхъ увѣщевало народъ признавать Папу за Главу церькви, угрожая непокорнымъ анаѳемой и отлученіемъ отъ церкви, — и между тѣмъ перемѣняло антиминсы и требники церковные, выдумывало обряды для прославленія Папы. Войска Жолкевскаго должны были помогать Духовенству, будучи разставлены въ городахъ и мѣстечкахъ при всѣхъ важнѣйшихъ церквахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ преклонять колѣна и бить въ грудь по обряду Римскому, а при чтеніи Символа вѣры прибавлять извѣстное Римское рѣченіе о Св. Духѣ, угрожая рубить безъ пощады тѣхъ, кои вздумаютъ неповиноваться. Наконецъ Гетманскіе посланцы, развозившіе по городамъ универсалы, были Поляками иные поруганы, иные побиты, иные изгнаны съ безчестіемъ.

Все это заставило Наливайка вооружиться, и онъ, узнавши, что Жолкевскій съ войскомъ своимъ намѣренъ занять Черкасы, Каневъ и Терехтемировъ, повелѣлъ войску Запорожскому собираться къ Чигрину.

Наливайко раздѣлилъ войска свои на три части: самъ принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ, лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ, а правое Полковнику Лободѣ, и около самаго Чигрина, по берегу рѣки Тясмина, окопался рвомъ и валомъ. Все войско Запорожское, здѣсь бывшее, простиралось до 20.000 человѣкъ, исключая отрядовъ Гайдомацкихъ, которые расположились таборомъ не по далеку отъ окоповъ, и прикрыли свои ряды пушками.

Поляки, разбивши отряды Гайдомаковъ, защищавшіе Каневскія Козацкія поселенія подъ на-

чальствомъ двухъ Тетерь: отца и сына, — двинулись къ Чигрину, — и окопались насупротивъ Козацкихъ окоповъ. Наливайко, нерѣшаясь самъ начать дѣло, ожидалъ призывной вѣсти къ битвѣ отъ Гетмана Жолкевскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, пылая бѣшенствомъ на Запорожцевъ, и желая устрашить ихъ, выставили близь шанцевъ своихъ три креста, и на нихъ повѣсили трехъ старшинъ Запорожскихъ, взятыхъ въ плѣнъ на битвѣ Каневской, Богуна, Войновича и Сутыгу, съ надписью: — „Кара бунтовцевъ!“— Наливайко въ отвѣтъ на сигналъ сей, поставилъ на возвышенномъ мѣстѣ три бѣлыя крещатыя хоругви, на которыхъ былъ девизъ: — „Миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и Его крестъ!“ И немедленно послѣ сего началось нападеніе Поляковъ на станъ Козацкій, и обопольная пальба изъ орудій. Тогда Наливайко двинулъ свои отряды Гайдомацкіе въ самое средоточіе войска Польскаго. Полки же Козацкіе выдвинулись изъ своихъ укрѣпленій, растянулись полукружіемъ, и поставили Поляковъ въ два огня. Болѣе семи часовъ продолжалась битва. Побѣда осталась на сторонѣ Запорожцевъ, но они ожесточились до того, что и слышать не хотѣли о пощадѣ или прощеніи; раненыхъ и павшихъ на землю въ другой разъ добивали; бросавшихся въ рѣку Тясминъ вытаскивали арканами и изрубливали въ куски. Спаслись только тѣ изъ войска Польскаго, кои могли убѣжать. Прочіе всѣ пали на мѣстѣ битвы, или по окрестной степи. Когда послѣ сраженія пересчитали убитыхъ Поляковъ, то вышло, что Жолкевскій потерялъ 17.330 человѣкъ. Наливайко приказалъ всѣхъ убитыхъ непріятелей зако-

патъ въ огромныхъ яругахъ близь трехъ виселицъ; — а висѣвшіе сняты и погребены съ торжествомъ въ Чигринской церкви Преображенія Господня. На гробахъ ихъ вырѣзали надпись: — „Невиннаго ихъ страданія за Отечество и Православную Вѣру.“ — (По Лѣтописямъ и Народнымъ преданіямъ. Срав. И. М. Р. I. 175 — 176.)

3) *Кравчина* — такъ называло само себя все войско Запорожское; но собственно принадлежитъ названіе сіе Низовымъ Запорожцамъ, или Гайдомакамъ. Откуда произошло сіе слово? Думаю, оно есть сокращеніе слова: *Украинщина* (Украинщи̇на, Вкрайнщи̇на, Крайщи̇на, Кравчина).

III.

Погребальная пѣсня на смерть Асаула Чурая.

Лѣтописи не сохранили подвиговъ сего Витязя Запорожскаго, бывшаго, какъ гласитъ преданіе народное, однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ и совѣтниковъ славнаго Гетмана Стефана Остряницы. Въ знаменитомъ сраженіи близь Старицы (И. М. Р. I. 213 — 214), онъ предводительствовалъ небольшимъ отрядомъ Гайдомаковъ, этихъ отчаянныхъ партизановъ войска Запорожскаго, и съ ними проникнувши внутрь непріятельскаго стана, взорвалъ на воздухъ значительную часть Польскаго обоза. Почти всѣ его товарищи пали на полѣ битвы. Онъ самъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и преданъ ужасной казни (1).

I.

Орлику, сизїй орлику,
Молодый Чураю!
Ой, забили жъ тебе Ляхи
Та у своїмъ краю.

II.

Що забили тебе Ляхи
Изъ твоимъ Гетьманомъ, —
Изъ твоимъ Гетьманомъ,
Що Паномъ Стефаномъ.

III.

Орлику, сизїй орлику!
Орлйвъ братйвъ маешъ:
Що старыи й молодыи —
Самъ и́хъ добре знаешъ —

IV.

Що старыи й молодыи
Всй въ тебе вдалися,
Вйдомстити та за тебе
Усй поклялися.

V.

Що старыи й молодыи
Усй голинныи;
А въ и́хъ кони́ вороныи —
Швыдкіи, быстрыи;

VI.

Швыдкіи, быстрыи,
Якъ орлы лйтають,

На Ляшськіи городы
Хмарой набѣгають.

VII.

А въ ихъ списы булатныи
Зъ довгими кѣнцями,
Всѣ гостры якъ голочки,
Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булатныи,
На обѣдвы боки,
Ляхамъ зраду сыплють
По всѣ вичнѣ роки.

Переводъ.

Орелъ, сизый орелъ, молодой Чурай! Тебя умертвили Поляки на своей родинѣ.

Тебя умертвили Поляки вмѣстѣ съ твоимъ Гетманомъ, съ твоимъ Гетманомъ Паномъ Стефаномъ.

Орелъ, сизый орелъ! Ты имѣешь братьевъ. И старые и молодые, — ты знаешь ихъ самъ хорошо, —

И старые и молодые, всѣ подобны тебѣ, и всѣ поклялись отомстить за тебя.

И старые и молодые, всѣ они храбры. И у нихъ вороные кони проворны и быстры.

Они проворны и быстры, и летаютъ какъ орлы; и налетаютъ они словно тучи на города Польскіе.

И булатныя копья у нихъ съ длинными наконечниками и какъ иглы онѣ остры, съ острыми клюгами (2).

И булатныя сабли у нихъ съ лезвеями на обѣ стороны: онѣ всегда разсыпаютъ злощастія па Поляковъ.

Примѣчанія.

1) Конисскій пишетъ, что Чурая прибили гвоздями къ доскамъ, облили смолою, и наконецъ сожгли медленнымъ огнемъ.

2) Я употребилъ слово *клюги* потому, что рѣшительно непонимаю значенія онаго, и слѣдо-

вательно не умѣлъ перевести. Отъ бандуриста толку не могъ добиться. — „Такъ воно, бачь, клюги, отъ-тй клюги!“ да и только. —

И. Срезневскій.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833. Апр. 16.